

П. И. Гришанин*

**ПОПЫТКИ СОВРЕМЕННОГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ
НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ ИСТОРИОГРАФИИ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ И БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ**

ОТНОШЕНИЕ К ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ и Белому движению, впрочем как и к Октябрьской революции 1917 г., никогда не было однозначным, если иметь в виду мировую историческую науку. Что же касается советской историографии – огромной по количеству изданных книг, монографий, статей, сообщений, кандидатских и докторских диссертаций, то в ней на десятилетия закрепились единственность и непререкаемость взглядов и позиций, основанных прежде всего на документах и установках КПСС. Однако, начиная с конца 80-х гг. XX в. в российской исторической науке произошли коренные изменения принципиального, методологического характера. Как образно и ёмко отмечал Ю. А. Поляков: «Состоялся развод большинства историков России с марксистской идеологией. Не слишком цивилизованно, но состоялся. Историческая наука лишилась строгого, педантичного, не терпевшего и намека на измену, супруга»¹.

Современное же осмысление становления отечественной исторической науки в советский период идет по нескольким направлениям. Одни исследователи рассматривают феномен «советская историография» исключительно в контексте «наука и власть»², другие – как взаимоотношение и взаимодействие домарксистской и марксистской школ отечественной историографии³. Ряд историков полагает, что речь идет о «социальном, историографическом проекте», характерными чертами которого выступает классовый подход как заданная ценность и нацеленность на борьбу с буржуазной историографией⁴. Существует и так называемая «компромиссная» позиция. Ее сторонники утверждают, что советская историография сформировалась как сочетание «факторов внешнего и внутреннего влияния», потому отличалась активным участием историков в политической жизни страны и постоянством борьбы с позитивизмом⁵. С учетом многообразия оценочных позиций вряд ли можно отрицать, что советская историография формировалась и развивалась как сложный и уникальный исторический феномен, многообразный и многоплановый, ускользающий от однозначной оценки.

10 ноября 1929 г. в газете «Правда» появился фельетон М. Кольцова «Упоительная книга», в котором автор возмущенно указывал на обилие на книжных

---

* *Гришанин Петр Иванович*, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной и зарубежной истории Пятигорского государственного лингвистического университета.

¹ Поляков Ю. А. Историческая наука: люди и проблемы. М., 2004. Кн. 2. С. 32–33.

² См.: *Афанасьев Ю. Н.* Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 7–42.

³ См.: *Дмитриев А. А.* Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа 1920–1930-е гг. СПб., 2004.

⁴ См.: *Образы истории* / Под ред. *А. П. Логунова*. М., 2001. С. 29.

⁵ *Очерки истории отечественной исторической науки XX века* / Под ред. *В. П. Корзун*. С. 307–308.

прилавках произведений белой эмиграции. Вскоре у советских историков была отнята возможность исследования так называемых белых мемуаров и других оригинальных источников. В научный оборот не только не вводились новые документы, касавшиеся истории Гражданской войны, но даже изымались те, которые были ранее опубликованы и использовались в научных изданиях. Огромное количество документальных материалов, идущих вразрез со сталинскими идеологическими установками, засекречивалось. Уже с июля 1931 г. изучение истории Гражданской войны стало осуществляться в новых организационных формах секретариата Главной редакции по подготовке «Истории Гражданской войны»⁶.

Новая политическая стратегия «построения социализма в одной отдельно взятой стране», пребывавшей во враждебном империалистическом окружении», вызвала новый виток приспособления исторической науки к генеральной линии правящей коммунистической партии. Переломным моментом в развитии этих процессов стало письмо И. В. Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», опубликованное 31 октября 1931 г. в журнале «Пролетарская революция». Чрезмерная политизация исторической науки переросла в новую стадию развития – зависимость от позиции вождя, обратившегося к истории для решения идеологических и политических задач. В работе «К вопросу о происхождении “троцкизма”», написанной в феврале 1930 г. в Константинополе, Л. Д. Троцкий признавал, что на борьбе с троцкизмом Сталин стал теоретиком⁷.

Сталинская концепция революционного процесса, сформировавшаяся в борьбе с троцкизмом, стала получать существенную поддержку в широких кругах большевистской партии, а также среди различных групп историков. Прежние оценки начали застывать в комбинациях клишированных положений, не подлежащих изменению по причине их соответствия сталинским положениям о роли и месте революционного процесса в развитии человечества. Сталинская историография сохранила маркировку роли и места классовых врагов большевизма в Гражданской войне. Типичным в данном плане выглядит, например, утверждение исследователя И. С. Короткова о том, что аграрная политика Врангеля была буржуазно-помещичьей, типично столыпинской аграрной политикой, и защищала интересы кулачества. Каких-либо других доказательств «антинародности» врангелевского режима, а, следовательно, его стабильности с точки зрения его поддержки крестьянством не требовалось⁸.

В то же время происходили заметные изменения в терминологическом аппарате исторической науки, связанные с внедрением в нее формулировок и стандартов, заимствованных из политической борьбы 1920 – начала 1930-х гг.⁹

Несмотря на то, что решения, связанные с известным сталинским письмом в редакцию «Пролетарская революция», не носили директивного характера, их реализация особенно в написании истории Гражданской войны стала воплощением новой концепции Октября и Гражданской войны. Это был отход от позиций историков-марксистов, следовавших (как, например, С. С. Каменев) ленинской концепции «мировой революции» с ее установкой о неразрывности Ок-

⁶ См.: Наумов В. П. Летопись героической борьбы: Советская историография Гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. М., 1972. С. 221–224.

⁷ Троцкий Л. Д. Сталинская школа фальсификаций. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. М., 1990. С. 110.

⁸ Коротков И. С. Разгром Врангеля. М., 1955. С. 35.

⁹ См.: Фельдман Д. М. Терминология власти, Советские политические термины в историко-культурном контексте. М., 2006.

тябрьской революции и Гражданской войны¹⁰. «Напряженность гражданской войны опять-таки обуславливалась задачами, выдвинутыми Октябрем, – писал Каменев в 1928 г. – Гражданская война 1918–1920 гг. была лишь продолжением Октябрьской революции. Красная Армия одерживала свои победы под лозунгом “Да здравствует мировая революция!”»¹¹.

Постепенно этот лозунг «мировой революции» становился не нужным практике партийно-государственного руководства. Гораздо более необходимым было представление о постоянной военной угрозе со стороны капиталистического окружения. Оно становилось мобилизующей идеологической силой в процессе строительства социализма, активизируя чувство самосохранения советского народа. В анализе внешней угрозы политический режим Сталина черпал понимание своих задач и силу для их исполнения¹². Характерной чертой этого анализа выступало систематическое и всестороннее преувеличение империалистических интервенционистских сил, далеко выходящее за пределы попыток военных академиков учесть все неблагоприятные факторы и риски¹³.

Идеологической инновацией стала подготовка общества к будущей новой войне как войне «революционно-классовой», принципиально отличающейся от так называемой национальной войны, примером которой служила Гражданская война¹⁴. «Основным стержнем в нашей войне с кольцом буржуазных государств будет стремление превратить войну СССР как государства в войну гражданскую между всемирным пролетариатом и мировой буржуазией», – писал С. М. Буденный в 1931 г. в работе «Конница в современной войне»¹⁵.

В соответствии с этим акценты в изучении военной борьбы с контрреволюцией значительно сместились. Вместо показа действительных сложностей этой борьбы, советские авторы все чаще оперировали понятием «разгром», привязывая к нему весь комплекс, используемых в процессе исследования фактов¹⁶. Внутренняя политика всех белых режимов сводилась к перечислению ряда социально-экономических мероприятий, проводившихся исключительно с целью реставрации монархической формы правления. Какая-либо система доказательств этих утверждений отсутствовала, и они преподносились в априорной форме.

Совместное постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР» от 15 мая 1934 г. завершило собой поворот к новой политике по отношению к исторической науке. Партийно-государственное руководство начало поднимать статус исторической науки, отводя ей одно из определяющих мест в системе политической социализации.

¹⁰ См.: *Алексеева Г. Д.* Октябрьская революция и историческая наука // Историческая наука России в XX веке. М., 1997. С. 140 – 156.

¹¹ *Каменев С. С.* Записки о Гражданской войне и военном строительстве: Избранные статьи. М., 1963. С. 212.

¹² См.: *Кен О. Н.* Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920 – середина 1930-х годов). СПб., 2002. С. 320.

¹³ См.: *Кокошин А. А.* Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918–1991. М., 1995. С. 129.

¹⁴ См.: *Белицкий С. М.* М. В. Фрунзе о будущей войне // Записки коммунистической академии. Секция по изучению проблем войны. М., 1931. Т. 1. С. 23.

¹⁵ *Буденный С. М.* Конница в современной войне // Записки коммунистической академии. Секция по изучению проблем войны. М., 1931. Т. 1. С. 15.

¹⁶ См.: *Ангарский М. С.* Второй поход Антанты и его разгром. М., 1940; *Кленин Г., Соколов М.* Героическая оборона Петрограда. Л., 1939; *Меликов В.* Сталинский план разгрома Деникина. М., 1938; *Он же.* Стратегическое развертывание белопольского фронта в 1920 году. М., 1937; *Огородников Ф.* Удар по Колчаку весной 1919 г. М., 1938 и др.

Высказанные Сталиным весной 1934 г. идеи о возвращении к прежней периодизации (история древнего мира, история средних веков, история нового времени) вписывались в новые теоретические представления советских историков. Сформированная концепция социально-экономических формаций стала серьезной гносеологической предпосылкой для формирования концепции отечественной истории с акцентом на социально-экономическую сторону исторического процесса. Образ Гражданской войны формировался как результат столкновения капитализма с социализмом, неизбежность которого определялась всем ходом исторического развития России.

Огромное влияние в плане смены исследовательских акцентов и приоритетов оказали установки «Краткого курса ВКП (б)». На смену классовой позиции и партийной тенденциозности ленинской концепции российской революции 1917 г. и Гражданской войны, проявлявшихся в определенном отборе реальных фактов и их соответствующей интерпретации, шла волна сталинского мифотворчества, подтасовки фактов, искажения статистики и т. д.¹⁷

Взамен концепции о единстве Октябрьской революции и Гражданской войны через «триумфальное шествие советской власти» предлагалась концепция «Трех походов Антанты». Прежнее структурирование Гражданской войны на содержательно-временные отрезки («от чехословаков и “учредилловцев” до Врангеля» (май 1918 г., декабрь 1918 г., май или июнь 1919 г., ноябрь или декабрь 1919 г., январь и ноябрь 1920 г.)¹⁸ заменялось новым (первая половина 1918 г. – март 1919 г.; весна – конец 1919 г.; апрель – ноябрь 1920 г.)¹⁹

Если В. И. Ленин выводил феномен внутренней контрреволюции из классовой борьбы в России, и видел в белогвардейской диктатуре реальную альтернативу диктатуре пролетариата в борьбе за политическую власть²⁰, то в «Кратком курсе ВКП (б)» свергнутые эксплуататорские классы изображались исключительно в качестве пособников интервенционистских устремлений международного империализма. Начало же Гражданской войны относилось к первой половине 1918 г., и виновником ее развязывания объявлялись империалисты Англии, Франции, Японии, США, как спровоцировавшие мятеж чехословацкого корпуса. Лидеры Белого движения (А. В. Колчак, Н. Н. Юденич, А. И. Деникин) позиционировались исключительно как ставленники Антанты, а само взаимодействие внутренней и внешней контрреволюции определялось выражениями «интервенты и белогвардейцы», «иностранный военный интервенция и Гражданская война» и т.п.

Сталинская парадигма Гражданской войны, а в рамках ее и Белого движения, нашла отражение в следующих положениях «Краткого курса ВКП (б)»: внутренняя контрреволюция сформировалась в 1918 году; она дифференцировалась на свергнутые классы (помещиков и капиталистов), на разбитые партии (кадетов, меньшевиков, эсеров, анархистов и «всякого рода буржуазных националистов»), на белогвардейских генералов и казачье офицерство; внутренняя контрреволюция была бессильна без поддержки международного империализма вести борьбу против диктатуры пролетариата; социальной опорой российской контрреволюции были кулачество и значительная часть среднего крестьянства; большевистская партия подняла народ на «отечественную войну» против «нашествия войск интервентов», против «мятежей свергнутых революцией эксплуататорских клас-

¹⁷ См.: Маслов Н. Н. «Краткий курс ВКП (б) – энциклопедия и идеология сталинизма и постсталинизма: 1938–1988 // Советская историография. М., 1996. С. 245.

¹⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 4, 17; Т. 44. С. 103; Т. 52. С. 165.

¹⁹ См.: Сталин И. В. Соч. Т. 4. С. 319–328.

²⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 195.

сов»; Гражданская война явилась периодом политической гибели тех партий, которые выражали интересы свергнутых эксплуататорских классов, и «окончательного торжества коммунистической партии в Советской стране».

Что же касается собственно Белого движения, то в рамках «первого похода Антанты» оно было представлено правительством Севера России, Добровольческой армией на Северном Кавказе, белогвардейскими мятежами в Приморье, «Сибирским белогвардейско-эсеровским правительством» в Омске. Первая половина «второго похода Антанты» связывалась с Белым движением под руководством А. В. Колчака при вспомогательной роли Северо-Западной армии Н. Н. Юденича, вторая – с переходом лидерства в Белом движении к А. И. Деникину при сохранении прежних позиций Н. Н. Юденича. «Третий поход Антанты» включал в себя контрреволюционную политику П. Н. Врангеля в Крыму и Ю. Пилсудского в Польше. Внутренняя эволюция всех белогвардейских режимов не прослеживалась, логика различий между ними не выявлялась, а подменялась перечнем слабо связанных между собой терминов и понятий типа «эсело-белогвардейские банды» и т.п. Показательно, что даже сторонники троцкизма получили в этой эпохальной работе определения «белогвардейские пигмеи» и «белогвардейские козьявки».

Однако главное идеологическое воздействие «Краткого курса ВКП (б)» заключалось в том, что с обозначением Гражданской войны «отечественной войной» за контрреволюцией не признавалось права быть исконно российским политическим явлением, она начисто выпадала из научной проблематики в качестве объекта и специального предмета исследования. Высказанные К. Каутским еще в 1919 г. в работе «Диктатура пролетариата» предположения сбывались. Создавать «режим благосостояния для всех при всеобщем разложении» после крушения идеи «мировой революции» стали исключительно с помощью диктатуры²¹. Само же изучение Гражданской войны представлялось как средство овладения марксистско-ленинской теорией. В интерпретации «Краткого курса ВКП (б)» это означало умение «обогащать эту теорию новым опытом революционного движения», новыми положениями и выводами, соответствующими новой исторической обстановке²².

Концепция «Краткого курса ВКП (б)» породила целый ряд политически инновационных научных направлений. Они были выдержаны в духе сталинских установок – «победа пролетарской революции, победа диктатуры пролетариата невозможна без революционной партии пролетариата, свободной от оппортунизма»²³. С целью их иллюстративного подтверждения историки писали о чехословацком мятеже, «отечественной борьбе» революционного пролетариата и крестьянства против интервентов и белогвардейцев²⁴. Выходили в свет коллективные монографии, а также тематические документальные подборки²⁵.

²¹ Каутский К. Диктатура пролетариата. От демократии к государственному рабству. Большеизм в тупике. М., 2002. С. 65.

²² История Всесоюзной коммунистической партии (большевиов): Краткий курс. С. 240.

²³ Там же. С. 337.

²⁴ См.: Попов Ф. Чехословацкий мятеж и самарская учредилка. Куйбышев, 1937; Хрулев В. Чехословацкий мятеж и его ликвидация. М., 1940 и др.; Разгон И. Борьба партизан против белогвардейцев на Северном Кавказе в 1919–1920 гг. М., 1942; Городецкий Е. Н. Отечественная война против германских оккупантов в 1918 году на Украине. М., 1941; Мырмин Г., Пирогов М., Кузнецов Г. Разгром интервентов и белогвардейцев на Севере. Архангельск, 1940; Рейхберг Г. Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке (1918–1922). М., 1940 и др.

²⁵ Монографии: Минц И. И. Иностранная интервенция и гражданская война. М., 1940; Милуковский А. И. Гражданская война в СССР. 1918–1920 гг.: в 3 ч. М., 1939–1940; Разгром армий на Урале: Сб. статей. Свердловск, 1939 и др. Подборки документов: Доку-

Реализуя сталинское положение о том, что «окончательная победа социализма есть полная гарантия от попыток интервенции»²⁶, историки стали отдавать предпочтение исследованию интервенционистского фактора в Гражданской войне. Теперь вопрос о причинах интервенции решался в пользу ее исключительно антисоветской направленности. В этой связи в качестве нового направления активно презентовалась дипломатическая история интервенции²⁷. Что же касается проблем германской интервенции и ее российских союзников, то они стали предметом исследований только лишь в 1940-х годах. В «Кратком курсе ВКП (б) германская интервенция не выделялась в качестве самостоятельной политической силы и рассматривалась лишь в контексте противоборства международного империализма в рамках Первой мировой войны. Появившиеся работы отражали все зигзаги политической конъюнктуры, прямо связанные со сложностью и противоречиями международного положения СССР накануне и в начале Второй мировой войны и его оценками сталинским руководством ВКП (б)²⁸.

Принципиально новым моментом явилось изучение политики международных оккупантов в занятых ими регионах бывшей Российской империи. Работы отличала чрезмерная конкретизация тех бедствий и причиненного ущерба, а также подчеркивание пособнической роли белогвардейцев и их главной опоры в лице среднего крестьянства и кулачества²⁹.

Сталинское вмешательство в создание той истории, где принципиально важным было распределение главных ролей, особенно героического плана, привело к серьезной трансформации историографического процесса, внесло существенные коррективы в изучаемые ранее проблемы Белого движения³⁰. Так, разгром деникинского режима, объяснялся исключительно тем, что ЦК РКП (б) принял «план товарища Сталина по уничтожению Деникина», сами же белогвардейские формирования, в том числе и Добровольческая армия низводились до «белогвардейских банд»³¹. Весьма показательна в этом отношении работа Г. Н. Караева о

менты о разгроме германских оккупантов на Украине в 1918 году. М., 1942; Интервенция на Севере в документах. М., 1933; Интервенция на Мурмане: Сб. статей и документов. Мурманск, 1940; Крах германской оккупации на Украине (по документам оккупантов). М., 1936; Японская интервенция в 1918–1922 гг. в документах. М., 1934 и др.

²⁶ Сталин И. В. Соч. Т. 8. С. 64.

²⁷ См.: Березкин А. В. США – активный организатор и участник военной интервенции против Советской России (1918–1920 гг.). М., 1949; Гулыга П., Геронимус А. Крах антисоветской интервенции США (1918–1920 гг.). М., 1952; Кунина А. Е. Провал американских планов завоевания мирового господства в 1917–1920 гг. М., 1951 и др.; Филатов П. А. Американский империализм – организатор антисоветской интервенции в 1918–1920 гг. // Военная мысль. 1951. № 1.

²⁸ См.: Фрайман А. Л. Разгром германских разбойников в 1918 году. М.; Л., 1941; Вольфсон Б. Изгнание германских оккупантов из Крыма. Симферополь, 1939; Герасимов Е. Н. Разгром немецких оккупантов на Украине. М., 1939 и др.

²⁹ См.: Загородских Ф. С. Борьба с деникинщиной и интервенцией в Крыму. Симферополь, 1940; Иоффе Я. Организация интервенции и блокады Советской республики. 1918–1920 гг.: Очерк. М.; Л., 1930; Кальвари М. Интервенция в Крыму. Симферополь, 1930 и др.

³⁰ См.: Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М., 1998. С. 16.

³¹ См.: Меликов В. Героическая оборона Царицына (1918). М., 1938; Разгон И. Разгром Корнилова на Кубани // ВИЖ. 1940. № 2; Четыркин А. Развал и разложение армии Деникина // ИЗ. М., 1941; Саланичев К. Волжско-Каспийская флотилия в борьбе за Каспий (1918–1920). М., 1952 и др.

зависимости всех политических действий Н. Н. Юденича от военно-стратегического положения колчаковского режима. Со ссылкой на военную сторону этого взаимодействия автор заключил, что Н. Н. Юденич под нажимом Антанты отказался от диктаторства в пользу Колчака, и Белое движение на северо-западе России не носило диктаторского характера³².

Типичной работой сталинского этапа отечественной историографии можно считать исследование одного из руководителей Всесоюзного научного центра по изучению Гражданской войны Э. Б. Генкиной. Выделяя в хронологических рамках Гражданской войны два этапа (1918 г. и 1919–1920 гг.), автор тесно связала их с концепцией «трех объединительных походов Антанты». Коалиция внутренней и внешней контрреволюции иллюстрировалась яркими примерами совместной вооруженной борьбы П. Н. Краснова и А. И. Деникина против Царицына, исключавшей какие-либо конфликтные ситуации, причем первый был «наемником германского империализма», а второй – «ставленником англо-французских империалистов»³³. Именно поэтому в крушении политического режима П. Н. Краснова исследовательница усматривала провал всей «казачьей Вандеи» на Дону, полностью игнорируя амбициозное соперничество между донским атаманом и А. И. Деникиным. Лидеры Белого движения изображались совершенно безликими исполнителями воли международного империализма, классовые намерения которого были обречены на провал³⁴.

Концепция Белого движения выстраивалась в русле сталинских указаний о географическом размежевании революции («внутренняя Россия с ее промышленными и культурно-политическими центрами») и контрреволюции («окраинами России»). Данное обстоятельство давало белогвардейцам явное преимущество – возможность опираться на казачество как военное сословие России³⁵.

Вслед за Генкиной Б. Е. Штейн попытался продолжить изучение Белого движения в концептуальных границах «центр и регион в Гражданской войне». С обильными ссылками на Сталина автор не только проиллюстрировал «три похода Антанты», но и выделил в развитии интервенции два этапа с рубежом «до» и «после» окончания Первой мировой войны. При этом он не ограничился констатацией исключительно военного вторжения интервентов, а попытался рассмотреть другие формы борьбы международного империализма против российской революции как «экономическая блокада» и «интервенция под фактом продовольственной помощи»³⁶.

И все-таки стремление к научности прорывалось сквозь тиски сталинизма даже в такой политизированной отрасли истории как Гражданская война. Оставаясь в рамках марксистской идеологии, Штейн, как и многие другие историки, сознательно ставил на передний план богатство и разнообразие фактического материала. В этой связи, безусловно, интересной выглядела его попытка «развести» внешнюю и внутреннюю контрреволюцию, придать последней статус самостоятельной политической силы в борьбе с большевизмом. Автор обозначил противоречия между интервенционистскими планами расчленения России и надеждами белых вождей возродить «Единую и Великую Россию». Однако это все не исключало определений белых лидеров «двух всероссийских правительств

³² Караев Г. Н. В боях за Петроград: Разгром Юденича в 1919 году. М., 1951. С. 10, 144.

³³ Генкина Э. Борьба за Царицын в 1918 году. М., 1940. С. 138, 213, 214.

³⁴ Там же. С. 214.

³⁵ Там же. С. 10–11.

³⁶ Штейн Б. Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). М., 1949. С. 407–408.

в Сибири и на Юге» «фаворитами Клемансо, Черчилля, Ллойда Джорджа, Вильсона»³⁷.

Но, увы, научная инновация Штейна не получила дальнейшего развития. Так, в пятом томе «История Гражданской войны в СССР», вышедшем в свет в 1960 году, «антибольшевистская деятельность Колчака, Деникина и других главварей белогвардейщины» подавалась как движение к «единой и неделимой империи», создание которой представляло серьезную опасность не только для мирового пролетариата, но «даже для буржуазии малых государств» (Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы)³⁸. При этом формирование белогвардейских армий в различных регионах России по-прежнему продолжало рассматриваться в качестве одной из главных форм «борьбы международного империализма против Советской страны». В их число привычно включали и «шпионско-подрывную работу» эсеров и меньшевиков³⁹.

Изучение белых политических режимов проходило в традиционных теоретико-методологических границах обозначения их «военно-террористическими». В качестве их социальной базы представлялась «механическая смесь» из кадетов и монархистов, «буржуазно-помещичьих организаций» и «реакционных царских генералов, офицеров и чиновников». Конечной целью Белого движения опять же служила формула «реставрации царского режима», не подвергавшаяся никакому сомнению в ее концептуальной обоснованности⁴⁰. Соответственно закреплялся тезис об «объединении всех сил внутренней контрреволюции для наступления против Советской России» вокруг фигуры А. В. Колчака, обязанного своим «верховным правлением» эсерам и меньшевикам⁴¹. Несвобода исторической науки предопределяла и формировала весь исследовательский процесс. Соглашаясь с Ю. Н. Афанасьевым, можно заключить, что особенности историографического пространства сводились главным образом к поискам конкретных фактов для иллюстративного соответствия марксизму, выступавшему в качестве всеобъемлющей методологии научного поиска в области Гражданской войны и Белого движения⁴².

---

³⁷ Штейн Б. Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.). С. 414.

³⁸ История Гражданской войны в СССР. Т. 5. М., 1960. С. 367.

³⁹ Там же. С. 368; Т. 3. М., 1957. С. 209.

⁴⁰ Там же. Т. 4. М., 1959. С. 58.

⁴¹ Там же. Т. 3. М., 1957. С. 334.

⁴² См.: Афанасьев Ю. Н. Феномен советской историографии // Советская историография. М., 1996. С. 31.